

Фу Шэнь был одет в белые траурные одежды, его лицо выражало холодное равнодушие. Он вырос, но стал гораздо стройнее, будто избавился от юношеской наивности, и теперь в его чертах проглядывали очертания будущей мужественной красоты.

— Зачем ты меня позвал?

Он все еще не смягчал выражения, но в его глазах уже не было прежнего недоверия. Возможно, на его плечах лежало слишком много тяжести — ненависть к врагам и горечь за семью, и у Фу Шэня просто не оставалось сил, чтобы думать о прошлых мелких размолвках.

Янь Сяохань ответил:

— Завтра армия выступает. Мы с тобой все же знакомы, и я хотел бы устроить тебе проводы. Согласен оказать мне честь?

Фу Шэнь, не церемонясь, откинул полу одежды и сел за стол:

— Раз уж я здесь, то и ты не стой, садись.

Янь Сяохань налил ему чаю и поднял чашку:

— Путь впереди будет трудным. Желаю тебе удачи, генерал. Надеюсь, в следующем году... мы снова сможем выпить вместе и полюбоваться снегом.

Путь впереди был не просто трудным — он был смертельно опасным. Но Янь Сяохань не стал уговаривать его остаться. Это было бы бесполезно, да и он сам не имел на это права. Три поколения семьи Фу были верными воинами, и смерть на поле боя для них была достойным концом.

Фу Шэнь одной рукой взял чашку и слегка коснулся ею чашки Янь Сяоханя, с легкой усмешкой сказав:

— Не будь таким самонадеянным. Кто захочет с тобой смотреть снег в следующем году? Лучше загадай желание, чтобы, если я умру в бою, моим последним делом было прощение тебя.

Ветер над озером выл, снег падал хлопьями, и небо казалось бесконечно пустым.

Это были проводы, но по сути — прощание.

— Я желаю тебе победы и триумфального возвращения, — произнес Янь Сяохань, его рука не дрогнула, улыбка оставалась спокойной. — Но я надеюсь, что ты будешь ненавидеть меня всю

жизнь.

Несмотря на все трудности, Фу Шэнь сумел преодолеть все препятствия и проложил себе путь к спасению. Пожелание, произнесенное в беседке на озере, сбылось. Когда он вернулся в столицу, Янь Сяохань уже был назначен императорским инспектором Стражи Летящего Дракона и стал еще более неприятным человеком. Они работали вместе при дворе, и их встречи всегда заканчивались ссорами, пока они не стали известными врагами.

Прошлое было оставлено позади.

Но, честно говоря, действительно ли Фу Шэнь смог отпустить его?

Он мог не обращать внимания на причины и следствия, раны зажили, но разве можно так легко забыть ту боль, которую он испытал, когда его предали?

Один раз укушенный змеей, десять лет боишься веревки. Фу Шэнь теперь всегда оставлял запасной план, и это было привычкой, оставшейся с тех времен. Он больше не боялся предательства, но и не мог полностью доверять кому-либо.

Однако под слоями прошлого скрывалась последняя правда.

Цайюэ была жива.

— ...Меня и Няньэр схватили Стража Летящего Дракона и заперли в тюрьме, но нас не пытали и не допрашивали. Примерно через два дня кто-то подмешал снотворное в нашу еду и воду. Я не знаю, как долго я спала, но, когда проснулась, мы уже были в лесу на горе Баоянь, в повозке. В ней были еда, одежда и деньги. Мы поселились в ближайшей деревне и научились делать вино. Два года назад в деревне случилась беда, и я услышала, что вы на Северной границе, где часто бывают торговцы и где спокойно. Поэтому я привела Няньэр на север. И, слава Будде, мы действительно встретили нашего благодетеля...

Не нужно было гадать, кто устроил этот побег. После того как Янь Сяохань арестовал их, возможно, он не успел доложить об этом, и Цзинь Юньфэн покончил с собой в тюрьме. Когда человек мертв, дело закрыто, и судьба Цайюэ и ребенка уже не имела значения. Судя по тому, как Стража Летящего Дракона обычно уничтожает все следы, скорее всего, их должны были отравить. Но Янь Сяохань воспользовался возможностью, чтобы заменить яд снотворным, вывезти их за город и дать им шанс на спасение.

Почему он вдруг проявил такую доброту? Хотя это звучало как самонадеянность, Фу Шэнь не мог найти другого объяснения.

Это было ради него.

Фу Шэнь не мог подобрать слов, чтобы описать этого бестолкового негодяя Янь Сяоханя. Его сердце будто сжалось, оно билось так сильно, что было слышно, как барабан, и было одновременно кисло и больно. Ему хотелось в одно мгновение преодолеть все горы и вернуться в столицу, чтобы избить Янь Сяоханя и заставить его больше никогда не притворяться важной персоной.

Если бы Фу Шэнь не встретил Цайюэ, Янь Сяохань, вероятно, никогда бы не рассказал ему правду. Он бы всегда носил маску «беспринципного» и «бесчестного» человека, никогда не объясняя, не оправдываясь и не прося понимания. Его происхождение было его проклятием, и некоторые люди, казалось, были обречены на вечную борьбу в грязи.

Но теперь, мог ли он с чистой совестью сказать, что в его сердце нет ничего выше «выгоды»?

Глоток крепкого вина согрел его грудь.

— Какое же у тебя жестокое сердце, брат Янь, — тихо пробормотал Фу Шэнь, сжимая ручки инвалидного кресла. — Ты действительно хочешь, чтобы я ненавидел тебя всю жизнь?

Столица, время зажигания фонарей.

На столе была гора документов, и Янь Сяохань был погружен в работу, не замечая ничего вокруг. Еда на подносе давно остыла, и старый дворецкий, долго колеблясь за дверью, наконец решился войти.

— Господин, вы уже целый день за работой. Отдохните немного, перекусите.

Янь Сяохань не обратил на это внимания, быстро дописал последние строки, бросил кисть и потер запястье. Он лениво откинулся на спинку стула, его стройный торс изогнулся дугой. С облегчением вздохнул:

— Ну, наконец-то закончил.

Не успел он договорить, как вдруг чихнул. Дворецкий испугался:

— Ой, что это? Надеюсь, вы не простудились... Прикажу приготовить вам имбирный отвар?

Янь Сяохань сморщил нос и махнул рукой:

— Не преувеличивай, все в порядке.

Дворецкий улыбнулся:

— Говорят, «один чих — кто-то думает о тебе, два — ругают, три — вспоминают». Значит, кто-то думает о вас.

Только он это сказал, как Янь Сяохань снова чихнул.

Старый слуга:

— ...Я все же приготовлю вам имбирный отвар.

Янь Сяохань рассмеялся:

— Ладно, вернись. Это же нормально.

Дворецкий сначала не понял, почему это «нормально», но через мгновение осознал смысл его слов и, взглянув на его выражение, добавил:

— Маркиз Цзиннин, должно быть, уже в Яньчжоу, и сейчас думает о вас.

И продолжил:

— Простите меня за дерзость, господин, но вы работаете без отдыха, это очень вредно для здоровья. Если бы маркиз был здесь, он бы не позволил вам так себя изнурять.

— А? — Янь Сяохань поднял бровь и усмехнулся:

— Что это за разговоры... Жена еще не в доме, а ты уже используешь его, чтобы давить на меня?

Дворецкий, видя, что он не сердится и даже выглядит довольным, осмелел:

— Вы и маркиз должны жить в гармонии и поддерживать друг друга всю жизнь. Иметь кого-то, кто заботится о вас — разве это давление?

Янь Сяохань рассмеялся от этих слов, а затем добавил:

— Скоро Новый год, я вижу, крестьяне уже начинают приносить подарки. Маркиз Цзиннин проведет этот год на севере, там холоднее. Выбери для него теплые меха и шелка. И как там с мастерами, которых я просил найти?

Он уехал всего несколько дней назад, и еда, которую он взял с собой, вероятно, еще не

закончилась, а он уже беспокоится о новых вещах. Дворецкий подумал, что их господин, несмотря на свою внешнюю строгость, в любви был нежным и заботливым, и не мог оставить без внимания ни одной мелочи.

Продолжая в мыслях возвышать Янь Сяоханя, дворецкий ответил:

— Да, мастера найдены. Поскольку не нужно больших строительных работ, достаточно будет двух-трех человек. Только бассейн, о котором вы говорили, требует сначала нарисовать чертеж, закупить камень, и только после вашего утверждения они смогут начать работу. Это займет больше времени.

— Не страшно, главное, чтобы все было готово к двенадцатому февраля, — сказал Янь Сяохань. — В эти дни вы все будете заняты, если что-то нужно, берите деньги. Если в резиденции герцога Ина никто не появится, обсудите все с Министерством церемоний.

После отъезда Фу Шэня количество дел, которые нужно было решать Янь Сяоханю, резко возросло. На самом деле, до того как Фу Шэнь поселился у него, он жил именно так. Но потом в доме появился пациент, которого нужно было опекать, и Янь Сяохань, боясь, что не сможет уделять ему достаточно внимания, откладывал многие дела, и теперь они накопились.

<http://bllate.org/book/15271/1347959>